

UCHAEV Anton Nikolaevich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor, Senior Researcher at the Chair of History, Philosophy and Political Science, Saratov Socio-Economic Institute – the branch of Plekhanov Russian University of Economics (89 Radischeva St, Saratov, Russia, 410003; uchaevan@gmail.com)

TO THE QUESTION OF RELATIONS BETWEEN CANADIAN TROOPS AND CIVILIANS OF GREAT BRITAIN DURING 1939–1944

Abstract. The article considers a poorly studied in the national historiography aspect of the UK and Canada relations during the World War II. It is the relationship of the Canadian soldiers with the motherland civilians. The author reveals the changes that took place in this field from 1939 to 1944 by analyzing the documents of the Canadian Military Headquarters. The comparison of Canadian materials and a number of research data allows identifying key trends and factors that influenced the dynamics of the sentiments of overseas Canadian forces and their relationships with the British civilians.

Keywords: Canada, World War II, army, armed forces, Great Britain, dominion, motherland civilians

УДК 94

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazar75@mail.ru)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНИИ И СССР В МОНГОЛИИ И ХУЛУНБУИРЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности японских спецслужб в Восточной Монголии и даурского антияпонского подполья, связанного с советской разведкой, в Хулунбуире. На основе новейших материалов сделан вывод об активизации монгольского направления японской разведки. Как свидетельствуют данные, деятельность даурских подпольщиков и разведчиков сыграла весомую роль в быстром разгроме Квантунской армии в августе 1945 г.

Ключевые слова: разведывательная деятельность, МНР, СССР, Япония, Вторая мировая война

В первой половине XX в. территория Монгольской Народной Республики стала объектом пристального внимания российских и японских спецслужб. Другим ареалом повышенного интереса этих стран являлась Маньчжурия, особенно ее северо-западная часть, находящаяся на стыке трех государств – России, Монголии и Китая – и известная как Хулунбуир (др. назв. – Хайлар, Барга). Активизация разведывательной деятельности Японии и России в этих регионах тесно связана с итогами Русско-японской войны 1904–1905 гг. По свидетельству современников, российская разведка в Монголии и Маньчжурии значительно уступала японской, на деятельность которой правительство Страны восходящего солнца выделяло значительные денежные средства [Жабицкий 2010: 199–200]. После Синьхайской революции 1911–1912 гг. в Китае японские власти усилили

свою политику в Маньчжурии, опираясь на прояпонски настроенного руководителя милитаристской группировки Чжан Цзолия. Несмотря на активизацию японской разведки, регион Хулунбуира в этот период продолжал оставаться в сфере влияния СССР. Советская разведка и агентура также активизировали свою деятельность после создания в 1932 г. государства Маньчжоу-Го и особенно накануне конфликта на р. Халхин-Гол. Например, они сумели проинформировать военное руководство о подготовке японцами масштабной военной операции на восточной границе МНР.

Конфликт на р. Халхин-Гол в 1939 г. (в япон. и зап. ист. — Номонханское сражение) явился мощным катализатором дальнейшего усиления деятельности советских и японских спецслужб в Восточной Монголии и Хулунбуире. После поражения на р. Халхин-Гол Япония не отказалась от планов захвата территории МНР. Несмотря на подписание в апреле 1941 г. пакта о взаимном нейтралитете между СССР и Японией, японские военные круги продолжили подготовку к агрессии против Монголии. В районах Калган, Аршан, Чжанцзякоу, прилегающих к восточным и юго-восточным границам МНР, были сооружены крупные укрепленные районы. Японские пограничники устраивали на границе провокации, распространяли листовки, призывающие перейти на сторону Маньчжоу-Го. В годы Второй мировой войны большую работу проводил 2-й отдел штаба Квантунской армии, осуществлявший руководство разведывательной деятельностью. В 1941 г. в населенных пунктах Чжанцзякоу, Завсар, Хайлар, Бандид-гэгээний-сум были сосредоточены 2 разведывательных управления, 3 отдела и 6 филиалов японской разведки. К 1945 г. их число существенно возросло: в пределах приграничных с МНР районов в 1945 г. насчитывалось 3 разведывательных управления, 4 отдела, 8 отделений и 26 филиалов японской разведки. В военные годы наблюдается резкое увеличение числа японских разведчиков, отправляемых на территорию Монголии для выполнения специальных заданий. По сравнению с 1940 г. число нарушений и провокаций на восточной и юго-восточной границах МНР в 1942—1943 гг. выросло на 41%, а численность принимавших в них участие военнослужащих возросла в 2,2 раза. В целом, за период с 1940 по 1949 г. со стороны Японии и китайских районов, контролируемых Гоминьданом, было совершено 1 758 нарушений границы, в провокациях приняли участие более 7 100 чел. По данным монгольских источников, 89% участников пограничных провокаций являлись представителями спецслужб. Большинство нарушений границы приходилось на аймаки восточной и юго-восточной части МНР — Дорнодский, Сухэ-Баторский, Восточно-Гобийский, Южно-Гобийский [Лувсанбалдан 2015: 9-10].

Обучение разведывательной деятельности проводилось японцами в главной военной миссии в Харбине, а также в ее филиалах, расположенных в населенных пунктах Халуун-Аршан, Луухын-сум, Хандагайту, Вангийн-сум. По данным монгольской разведки и контрразведки, по своему национальному составу разведчики и агенты являлись китайцами, японцами, баргутами, южными монголами. В число агентов входили самые разные слои общества: тайджи (князья), ламы, женщины, бродяги, воры, мошенники, дезертиры, осужденные, калеки.

О деятельности разведывательных школ, функционировавших в приграничных с МНР филиалах японских военных миссий, можно судить по имеющимся данным о разведывательной школе в Хандагайту, основанной осенью 1942 г. Руководил школой японский офицер, преподавателями и инструкторами работали японцы и монголы. Халхаскому диалекту монгольского языка обучал некий Очир, прибывший из МНР. Всего в школе работали более 10 чел. В октябре 1943 г. разведывательная школа в Хандагайту провела набор курсантов в 868-м полку Квантунской армии. В этот период в школе насчитывалось до 60

курсантов. Обучение включало в себя курсы по изучению японского и монгольского языков, письменности, географии и этнографии Восточной Монголии. К обязательным практическим предметам относились: определение дислокации воинских частей и армий, их структуры; установление тайной телефонной и радиосвязи; подсоединение тайного кабеля к передачам связи противника; топографическая фотосъемка; фотосъемка объектов, представляющих ценность для разведки; маскировка; ориентирование с компасом; обращение с огнестрельным и холодным оружием; рукопашный бой. Практику японские курсанты проходили на территории МНР, куда их засылали с конкретным разведывательным заданием сроком на 5, 10 или 20 дней. Например, в июне 1944 г. в данной школе проходили обучение 52 курсанта, из которых 28 чел. находились на выполнении специальных заданий на территории МНР. Полных документальных материалов о ходе выполнения и результатах разведывательных заданий у нас не имеется. Однако и на основе отдельных сведений можно представить основные направления деятельности японской разведки. Так, в конце сентября 1943 г. разведывательная группа из 13 чел., находясь на территории МНР, подсоединила тайный кабель к телефонной линии передач на востоке МНР. По р. Халхин-Гол кабель скрытно протянули до расположения разведшколы в Хандагайту. Прослушивание телефонных разговоров японскими офицерами не дало результата, поскольку диалоги велись исключительно на русском языке. На помощь в Хандагайту из Харбина прибыли четверо русских и два японца, но к тому времени связь прервалась [Лувсанбалдан 2015: 11]. Очевидно, прибывшими русскими были военные эмигранты, приглашенные на службу в японскую военную миссию. Японцы активно готовили их в качестве разведчиков и диверсантов [Курас 2014: 145]. В целом сведения заслуживают особого внимания, поскольку в них говорится о попытке прослушивания японцами линий связи 17-й армии СССР, дислоцированной в МНР. Как известно, руководство 17-й армии всемерно укрепляло советско-монгольское боевое содружество, монгольские офицеры приглашались на штабные учения, стратегические и тактические учения и тренировки [Цыбенков 2013: 29]. Части этой армии, очевидно, были направлены на восточную границу страны для усиления монгольских пограничных отрядов. Об исправном несении службы советскими воинами свидетельствует обнаружение солдатом Поповым 22 октября 1943 г. непрямого провода, подсоединенного к линии армейской связи. Данное место было изучено советскими и монгольскими командирами, был составлен акт осмотра и усилена охрана пограничного участка. Несмотря на существенную помощь советских войск в охране границы, японские военные миссии продолжали отправку разведывательных групп на территорию МНР. Монгольские пограничники, контрразведка, спецслужбы СССР в меру своих возможностей проводили работу по выявлению и ликвидации вражеских разведчиков. Большую помощь в обнаружении разведгрупп и диверсантов оказывало местное монгольское население. Одной из крупных побед монгольских пограничников явилась поимка разведывательной группы во главе с баргутом Бонхоро в конце июня 1944 г. Шесть японских разведчиков были направлены сроком на 20 дней в район местностей Баянбурд и Баянцагаан Дорнодского аймака МНР. Перед ними были поставлены следующие задачи: изучение дислокации советских и монгольских войск, видов вооружения, количества военной техники и автомашин, укреплений, системы охраны и караулов, связи, путей сообщения, а также рек, колодцев, мостов. Кроме того, они были обязаны выяснить, из каких мест прибыли новые воинские части, их местоположение, число лошадей, распорядок дня солдат и офицеров. Предписывалось также захватить в плен 1–2 монгольских пограничников. В случае если они окажут сопротив-

ление или будет недостаточно сил, чтобы перевести их за границу, подвергнуть их пыткам и, получив необходимые данные, убить. Документы убитых пограничников, одежду и оружие надлежало принести в разведывательное учреждение. Скрываясь в камышах, низинах, питаясь исключительно сухим пайком, группа сумела выполнить все задачи, за исключением взятия «языка». Вечером 27 июня 1944 г. группа была обнаружена монгольскими пограничниками, окружена и взята в плен [Лувсанбалдан 2015: 13-14].

Захват в плен японских разведчиков все же был явлением редким, гораздо чаще случались вооруженные стычки с диверсионными и разведывательными группами Квантунской армии. Стороны несли ощутимые потери. К примеру, в зимний период 1941–1942 гг. японская разведка лишилась двух руководителей спецгрупп. Потери несли и монгольские пограничники. Очевидно, они имелись и в частях 17-й армии, направленных для помощи пограничным заставам на востоке МНР. К настоящему времени мы не располагаем полными документальными свидетельствами об участии и потерях советской и монгольской разведки в районе Хулунбуира в годы Второй мировой войны. Из рассекреченных материалов известно лишь об участии ряда разведчиков – выходцев из бурят в конфликте на р. Халхин-Гол в 1939 г. и в разведывательных операциях в Хулунбуире во время Великой Отечественной войны. Известно, что в июне–августе 1939 г. в составе оперативной группы Главного управления НКВД СССР выполнял разведывательные задания Б.Ч. Балдано, в 1941–1942 гг. во Внутренней Монголии находился с заданием разведчик Ц.А. Жамсаранов¹.

В числе бурятских разведчиков упоминают и имя Э.-Б. Сандиева, даура по национальности, уроженца Хулунбуира. Он начал разведывательную деятельность во время конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г. В составе оперативной группы ГУ госбезопасности НКВД Э.-Б. Сандиев (кит. имя – Дун Бао) выполнял специальные задания. В годы ухудшения советско-китайских отношений в 60–70-х гг. XX в. Э.-Б. Сандиев был вынужден остаться в СССР. До конца жизни прожил в Агинском Бурятском автономном округе Читинской области [Ширабон, Раднаев 2012: 30]. Он не был единственным дауром, боровшимся с японскими оккупантами на стороне СССР. В г. Хайларе существовала подпольная группа, состоявшая из дауров – членов Народно-революционной партии Внутренней Монголии и революционных кружков Коминтерна. Ядро подпольной антияпонской организации Хулунбуира составили дауры пригородного поселка Омно-Айл (др. назв. – Баян-Тохой, Наньтунь). Агентурная сеть охватывала разные места Хулунбуира. К примеру, агентом подполья в Восточной и Западной Барге был Гончикжаб, в Солонском хошуне – Ичинтай, в Старой Барге – Ачинга. В г. Цицикаре действовал агент Э.Жин Чун, 1 раз в году доставлявший сведения. В 1920–30-х гг. он был знаком с даурским политическим деятелем Мэрсэ. Агент Дэ У Мин начиная с 1933 г. поддерживал связь с Найралту и также 1 раз в год отправлял секретные данные в Хайлар. В хошунах Барги членами подполья также были Эрхэмбаяр, Хуо Минтай, Бодижаб. Благодаря знанию японского языка некоторые члены подполья были внедрены в местную администрацию Маньчжоу-Го. Агентами подпольной организации были и лица, находившиеся на военной службе. Например, генерал Маньчжурской императорской армии Го Вэн Тун, даур по национальности, контактировал с подпольной организацией и передавал ценные сведения. Во время наступления Красной армии в Маньчжурии в августе 1945 г. Го Вэн Тун поднял мятеж и добровольно сдался.

Подпольщики собирали сведения о военных аэродромах, стратегически важных укрепленных пунктах, планах японского командования. Например, точные

¹ *Малая энциклопедия Забайкалья: международные связи* (гл. ред. Р.Ф. Гениатулин). Новосибирск: Наука. 2012. С. 92, 218.

координаты подземных коммуникаций Хайларского укрепрайона были получены подпольщиками от китайского рабочего по фамилии Тянь, сумевшего чудом сбежать с места строительства незадолго до массового расстрела рабочих [Цыбенков, Курас 2016: 414]. Падь неподалеку от Хайлара, где были расстреляны все строители-китайцы, участвовавшие в строительстве, ныне носит название «Тумэн яст» (досл. – «Десять тысяч останков»).

Таким образом, Тянь оказался единственным строителем, сумевшим спастись от неминуемой гибели. Даурские подпольщики долгое время укрывали его, затем по поддельным документам переправили на родину, в центральную часть Китая. Известно, что позже, в годы культурной революции в КНР Тянь покончил жизнь самоубийством, поскольку подвергался преследованиям властей, заподозривших его в сговоре и связях с японской разведкой в годы Второй мировой войны.

Большую роль в деятельности подпольной антияпонской организации играли супруги Хас-Батор (даур по национальности) и Цыпылма (уроженка Бурятии). Многие детали их героической биографии остаются неизвестными, на данный момент известно лишь, что Хас-Батор погиб в японских застенках. Обстоятельства смерти его жены Цыпылмы, погибшей ранее, до сих пор неизвестны. Следует заметить, что подпольщики работали в тяжелых условиях, антияпонская борьба требовала многих лишений – к примеру, радистка Сяюнь была вынуждена расстаться со своим ребенком [Ширабон, Раднаев 2012: 30]. Многие члены подпольной организации погибли, выполняя ответственные разведывательные задания. Член подпольной организации Сухэ-Батор в 1932 г. был направлен для обучения в СССР, в г. Верхнеудинск (совр. г. Улан-Удэ). С этого времени он, по всей видимости, оставался в Советском Союзе. В августе 1941 г. Сухэ-Батор был обвинен в связях с японцами. Возможно, в этот период он попал в поле зрения советской разведки. После снятия надуманного обвинения Сухэ-Батор становится связным. С 1941 г. по апрель 1944 г. он 5 раз переправлялся через р. Аргунь, доставляя разведданные. Весной 1944 г. (по другим сведениям – в 1943 г.) он погиб, попав в засаду [Цыбенков, Курас 2016: 415].

Большую роль в получении разведывательных данных о дислокации воинских частей Квантунской армии сыграла разведчица Хай Юри (по другим данным – Хай Руи; кит. имя – Ма Шучжен). Хай Юри была одной из пяти даурских девушек, впервые решившихся выехать в СССР на учебу. Отправка девушек в СССР была осуществлена при содействии Ц.-Е. Цыдыпова [Базаров 2002: 46-47]. После прохождения курсов в г. Верхнеудинске в 1924 г. Хай Юри продолжила учебу в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). После учебы она некоторое время работала в г. Улан-Баторе (МНР). Установлено, что в годы Второй мировой войны Хай Юри занималась разведывательной деятельностью: проводила сбор секретных военных данных о японских воинских частях, дислоцированных в Маньчжоу-Го; передавала разведданные по радиосвязи. Во время передачи данных в 1944 г. разведчица была обнаружена японской контрразведкой и посажена в тюрьму. Совершив побег, Хай Юри была убита в ходе преследования [Даур... 1989: 222]. Примечательно, что за все время существования подпольной организации не было ни одного случая предательства [Цыбенков, Курас 2016: 416].

Таким образом, в годы Второй мировой войны даурские подпольщики и разведчики оказывали существенную помощь Красной армии. Благодаря их деятельности советское командование получало необходимые сведения о дислокации войск противника и укрепрайонах Хулунбуира. С другой стороны, Япония после поражения в конфликте на р. Халхин-Гол в 1939 г. стала увеличивать число разведывательных и диверсионных отделений в приграничных с МНР районах Маньчжоу-Го. Монгольские пограничники и части советской 17-й армии, как

свидетельствуют факты, в 1941–1945 гг. успешно пресекали деятельность японских разведывательных групп на территории МНР.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МинОКН Монголии № 15-2103005 а/м «Монголия во Второй мировой войне».

Список литературы

Базаров Б.В. 2002. *Неизвестное из истории панмонголизма*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 67 с.

Жабицкий А.К. 2010. Разведка Японии в Северо-Восточном Китае и Монголии в 1905–1914 гг. – *Власть и управление на Востоке России*. № 4. С. 197-202.

Курас Л.В. 2014. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) – *Власть*. № 9. С. 143-147.

Ширабон Р., Раднаев Б. 2012. Разведчики – «панмонголисты». – *Информ-полис*. № 27(1031).

Цыбенков Б.Д. 2013. Советско-монгольское военное сотрудничество в годы Второй мировой войны. – *Военно-исторический журнал*. № 4. С. 28-31.

Цыбенков Б.Д., Курас Л.В. 2016. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны. – *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2016. С. 411-419.

Лувсанбалдан Э. 2015. *Дэлхийн II дайны ueийн Монгол Улс*. Улан-Батор: Адмон принт ХХК. 199 с.

Дагур үндүсүтен-үй тобчи тейке [Краткая история даурского народа] (найрагүлан бичикү дүрүуилан найрагүлала; Meng Ji Düng, Üljeiyitü, Bayar). 1989. Kükęqota: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 300 с. (на старомонг. письм.).

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Chief Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kuraslv@yandex.ru).

TSYBENOV Bazar Dogsonovich, Cand.Sci.(Hist.), Senior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazar75@mail.ru)

NEW INFORMATION ABOUT INTELLIGENCE ACTIVITIES OF JAPAN AND THE USSR IN MONGOLIA AND HULUNBUIR DURING THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The article examines the activities of Japanese intelligence in the Eastern Mongolia and Soviet intelligence in Hulunbuir during the World War II. The Soviet spies were the agents of the anti-Japanese Daurian underground organizations in the city of Hailar. The authors have studied new materials on the revitalization of the Japanese intelligence service in Eastern Mongolia. In turn, the Soviet intelligence had agents in Hulunbuir, which collected intelligence information on the deployment of military units, airfields and fortified areas. The authors believe that the activities of Daurian anti-Japanese underground played a significant role in the rapid defeat of the Kwantung army in August 1945.

Keywords: intelligence activities, Mongolia, USSR, Japan, World War II